

Вэй Хуань всегда держалась почтительно при людях, но я знала её хорошо, и по глазам было видно, что её слова — пустая формальность. Я усмехнулась: «Раз уж мы всё равно без дела, почему бы не прокатиться?» Не дожидаясь её ответа, обратилась к евнуху у конюшни: «Подбери лошадь и для госпожи Вэй.»

Вэй Хуань уговаривала меня лишь для виду, поэтому, едва коня подвели, она легко взобралась в седло, проскакала туда-сюда, и хотя лицо её оставалось невозмутимым, щёки зарделись от возбуждения. Видя, как она оживилась — совсем не так, как по дороге во дворец, — я предложила: «Давай посоревнуемся, кто первым доберётся до охотничьего парка.» И, не дожидаясь ответа, резко пришпорила коня и помчалась прочь.

Мой Фэйлун был удивительно резвым, даже на полном скачу он шёл ровно и плавно. Сидя на нём, я будто парила в облаках и в мгновение ока достигла небольшой рощи. Лошадь Вэй Хуань сильно уступала Фэйлуну, и вскоре она скрылась из виду. Я остановилась, чтобы подождать её. От верховой езды стало жарко, и я сняла меховую накидку, но вскоре подул холодный ветер, и я накинула её снова. Однако, хотя я уже продрогла до дрожи, Вэй Хуань всё не появлялась.

Вдалеке послышался топот копыт и крики всадников — судя по звуку, человек пять-шесть. Хотя охотничий парк и не был обнесён стеной, охранялся он строго, и попасть сюда могли разве что мои родственники. Я не придавала этому значения, расслабилась в седле и стала ждать Вэй Хуань со свитой.

Когда группа приблизилась, я поняла, что людей гораздо больше, чем я думала — два-три десятка всадников, все с луками и колчанами за спиной, в ярких одеждах на горячих конях. Я ожидала, что они замедлят ход при виде меня, но они пронеслись мимо, словно не заметив. Я не была уверена в своём искусстве верховой езды и не рискнула вставать у них на пути, поспешно осадив коня в сторону. В душе закипело негодование, и я пригляделась к всадникам. Впереди скакал юноша с алыми губами и белой кожей, в белой лисьей шубе, костюме ху, остроконечной шапке хуньто и красных кожаных сапогах. За спиной у него висел колчан, в руках он держал длинный лук, а на поясе красовался длинный меч, украшенный золотом и нефритом. Лицо его показалось знакомым, но я не сразу вспомнила, кто это. В любом случае, персона малозначительная.

Его спутники, все лет двадцати-тридцати, тоже были в костюмах ху, вооружены луками, стрелами и короткими мечами в золотых ножнах. Проезжая мимо, некоторые обернулись на меня. Один из них засунул палец в рот и резко свистнул. Впереди ехавший юноша круто развернул коня, описал круг и остановился прямо передо мной, оглядывая меня с головы до ног.

Его взгляд был слишком дерзким. Я выпрямилась и гордо подняла подбородок: «Кто ты такой, чтобы так бесцеремонно скакать в охотничьем парке?»

Он усмехнулся, склонил голову набок и слегка приподнял сложенные руки: «Эрнян, давно не виделись.»

И тут я вспомнила: это был У Миньчжи, племянник моей матери.

Мать не любила говорить о родне, поэтому я знала лишь, что в семье её отца было мало людей. Оба её брата, сестра и младшая сестра умерли ещё до моего рождения. Их дети либо служили в провинции, либо скончались в юности, и лишь один двоюродный брат, У Миньчжи, остался поддерживать род. Этого брата очень любили бабушка и мать. Пока бабушка была жива, мать часто брала меня навестить её, и каждый раз обязательно призывала этого брата. Иногда,

когда мать отправляла меня одну к бабушке, меня тоже принимал он.

Помнится, однажды У Миньчжи отвел меня в сторонку, стал говорить какие-то странные, непристойные вещи и заставлял трогать неподобающие места. Будь я по-настоящему четырёхлетним ребёнком, наверное, послушалась бы и позволила ему делать что угодно. Но внутри я была не ребёнком, и когда он велел мне прикоснуться, я схватила это место и изо всех сил дёрнула, после чего тут же закричала, привлекая внимание кормилиц и служанок. Затем я залилась слезами и потребовала немедленно вернуться во дворец, и даже бабушка не смогла меня удержать.

После того я видела У Миньчжи лишь однажды — на похоронах бабушки. Тогда мать велела Ли Шэну и Ли Жую сопровождать меня на церемонию, и мы ненадолго зашли. Живя во дворце, я мало что знала о событиях при дворе, но смутно слышала, что У Миньчжи сослали в провинцию. Не думала, что теперь он вернулся.

Сейчас У Миньчжи было никак не меньше тридцати, но выглядел он точно так же, как и раньше — всё тот же прекрасный и легкомысленный юнец. Он по-прежнему любил склонять голову набок, когда смотрел на людей, и говорил нарочито мягким, тягучим голосом. Какой-нибудь наивной девушке его речь могла показаться нежной и пленительной, а меня от неё лишь тошнило. Я бесстрастно посмотрела на него: «Увидев меня, даже не поклонился. Ты и впрямь слишком самоуверен.»

У Миньчжи фыркнул и медленно подъехал ближе. Видя, что он нисколько не страшится моего статуса, я инстинктивно оттянула коня назад. У Миньчжи улыбнулся ещё шире. Он подъехал вплотную, одной рукой взял мои поводья и сказал: «Эрнян, ты выросла и стала ещё прекраснее.»

По коже побежали мурашки. Я взмахнула хлыстом, но он ловко поймал его. У Миньчжи левой рукой вырвал хлыст из моей хватки и, наклонив голову, усмехнулся.

Теперь я горько сожалела, что оторвалась от свиты. Я думала, что в заповеднике все знают меня или хотя бы моё платье и сбрую, но не ожидала встретить такого наглеца, как У Миньчжи. Сейчас у него было два-три десятка человек, а я осталась одна. Если дело дойдёт до столкновения, пострадаю, скорее всего, я. Даже если потом мать прикажет казнить всех этих людей колесованием, будет уже поздно. Я прищурилась, оглядывая округу. Охотничий дворец был недалеко, но стража у ворот могла не успеть подоспеть на крик. А солдаты, стоявшие лагерем снаружи, были ещё дальше, и им потребовалось бы время. Что я могла сделать? Попытаться прорваться на своём быстром коне? Но моя выучка оставляла желать лучшего, и вряд ли я ушла бы от этой ватаги. К тому же, если бы об этом доложили родителям, виноватой оказалась бы я. Или ждать, пока подоспеет свита? Но неизвестно, сколько это займёт времени, а до их прихода может случиться что угодно, и пострадаю опять же я.

Я молча потрогала пояс, где лежал незаточенный короткий меч — подарок Ли Жую. Он обещал заточить его, когда я достигну совершеннолетия. Тогда это казалось мне хорошей идеей, а сейчас я в душе костерила и себя, и его. Будь меч заточен, у меня хотя бы было оружие. Если бы У Миньчжи посмел тронуть меня, я могла бы прикончить его, и его приспешники вряд ли осмелились бы тронуть принцессу прямо в императорском заповеднике.

«Давно не виделись, Далан. Ты всё такой же беззаботный», — после долгого раздумья я решила, что лучше дождаться своих. Я улыбнулась У Миньчжи фальшивой улыбкой. В обычное время я бы не упустила случая поиздеваться над прозвищем «У Далан», но сейчас было не до шуток. Я крепко сжала поводья правой рукой, а левой легла на рукоять короткого меча у

пояса, нарочно повернувшись так, чтобы он её увидел.

У Миньчжи заметил моё движение, усмехнулся и отпустил поводья. Он развалился в седле, а его люди, словно получив приказ, медленно окружили меня. Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие и, указывая на них, сказала У Миньчжи: «Далан, ты мой двоюродный брат, между роднёй не нужно лишних церемоний. Но почему твои слуги такие неотёсанные и невежливые? Они даже не поклонились мне.»

У Миньчжи улыбнулся: «Они все сяньбийцы, многие даже не знают официального языка. Естественно, они не ведают наших обычаев. Мы же брат с сестрой, не стоит обращать внимание на мелкие промахи слуг, верно, Эрнян?»

Верно? Как же! Я совсем забыла, что он приходится матери родственником по отцовской линии, и в душе обложила всех его предков до восемнадцатого колена. На лице же я изобразила наполовину рассерженное выражение: «Ради тебя, конечно, я не стану придираться. Но интересно, если они так бесцеремонны со мной, как же они служат тебе?»

У Миньчжи повернулся к своим людям и что-то сказал на непонятном языке — то ли сяньбийском, то ли туфаньском. В тот же миг все они разом выхватили короткие мечи. Ослепительные лезвия засверкали в лучах солнца, пробивавшихся сквозь листву, и рябило в глазах.

<http://bllate.org/book/16278/1466002>